

Четверо СТИХОТВОРЕНИЯ

**Девочка,
ставшая
взрослой**

*(Песня
на два голоса)*

Первый голос:

Революция, ты
голубкою белой
из ночной темноты
дорогой мечты
прилетела.
Мы идем дерзновенно и смело
за голубкою белой
дорогой мечты.

Второй голос:

Я люблюсь тобой, непокорной,
ты булыжной идешь мостовой,
солнце, жарче кузнечного горна,
тебя ранит и жалит упорно
раскаленной железной стрелой.
Янки в ярости вслед за тобой
по булыжной идет мостовой
в жарком свете кузнечного горна.

Оба голоса:

Ай, голубка с заоблачных гор,
ты мужала на вольной равнине,
укрепил твои крылья простор.
Ставши взрослой, девчонка, держись!
Руку ты протяни мне
и возьми мою жизнь.
Раз-два-три-посмотри,
раз-два-три-я-не-жду —
за тобой я иду!
Твоя грудь, словно сталь, тверда —
не пройдет по дорогам беда.

На дорогах — твоя стрела
дальше вражеских стрел легла.

С гор пришла ты к нам, с гор,
с гор спустилась высоких.
Поднимай против янки на бой
неба синь, и земли плодотворные соки,
и гирлянды огня,
и улыбку — алое знамя,
и бойца-петуха,
у которого шпоры как пламя.

Так иди по горам, по равнине,
ставши взрослой, девчонка, держись!
Руку ты протяни мне
и возьми мою жизнь.
Раз-два-три-посмотри,
раз-два-три-я-не-жду —
за тобой я иду!
Цветок и мачете,
Голубка и ветры —
За тобой я иду.

**Генерал
в своем
Пентагоне**

Пентагонский генерал,
генерал из Пентагона,
ты солдат своих собрал,
ты собрал бактерий тонны:
тиф, чуму и менингит
в тубах, ампулах, флаконах.
Липкий снится тебе сон:
свежей кровью обогранный,
на шафрановом быке
восседая, как на троне,
ты считаешь мертвецов,
видишь толпы обреченных,
смертоносный чуешь газ,
взрывы бомбы многотонной,
и блестит твой волчий глаз,
кровожадный и зеленый.

Пентагонский генерал,
генерал из Пентагона!
В жизнь другие влюблены,
ты, всем сердцем в смерть влюбленный,
первой бомбы грозный взрыв
ловишь ухом напряженным.
В грязном вихре новых бурь
кружат смрадные вороны,
и над островом моим,
над кораллом, бури стоны.

Но взгляни на облака
утром в небе просветленном,
видишь — мощная рука
протянула с небосклона
вновь рожденную звезду;
словно стрелы, грозным звоном
зазвенели вдруг лучи,
гневным вихрем раскаленным
полетели горячи
над морской водой соленой,
над громадой синих скал,
над тобою, обреченным,
пентагонский генерал,
генерал из Пентагона!

*Перевод с испанского
Н. ГОРСКОЙ*

Федерико

Посвящается
Федерико
Гарсии Лорке.

Постучал я тихо в дверь к испанцу:
— Нет ли здесь поэта Федерико?
Попугай ответил мне:
— Ушел он.

Постучал в стеклянную я дверцу:
— Нет ли здесь поэта Федерико?
Лишь рука ответила мне жестом:
— Утонул он.

Постучал тогда я в дверь к цыгану:
— Нет ли здесь поэта Федерико?
Но никто ни слова не ответил...
Федерико! Федерико!

Дом нежилой, потемневший,
Мох по расселинам вьется,
Сад, полный ящериц скользких,
Пустая бадья у колодца.

Мягкую землю взрыхляют
Улитки, ползущие чинно,
И ветер июльский горячий,
Качаясь, плывет по руинам.

Федерико!
Где же смерть настигла Федерико?
Где его глаза похолодели?
С кем простился он последним криком?

■ ■ ■

Он ушел из дома в воскресенье,
Ночью он ушел и не вернулся.
Он в руке держал лиловый ирис,
А глаза сжигала лихорадка,
Ирис нежный обагрился кровью,
Кровь текла, текла и стала смертью.

■ ■ ■

Виделась ему в ночи гвоздика,
Ландыш и луна в холодной туче,
Ах, Весна, Гранада — Федерико!

Грезил он под ивою плакучей,
В одиночестве ища опоры,
Жизни смысл — в гармонии созвучий...

Вот уже по звездному простору
Тянет ночь свой шлейф прозрачно-мглистый,
Одевает им поля и горы.

«Федерико!» — крик пронзил, как
выстрел, —
Видит он: влача свои оковы,
Вдаль бредут его контрабандисты.

Как ужасен зов их жил бескровных!
Как в телах сухих огонь неистов!
Как шаги беззвучны и суровы!

Освещает луч зелено-льдистый
Шествие страданий обнаженных
По дороге пыльной и тернистой.

Федерико встал, луной пронзенный,
Гранада и Весна — Федерико!
И за ними вслед, с мечтою о гвоздике,
Поднялся к вершине озаренной.

У гроба Монтеро

Умел зажигать ты зори
Огнем своей буйной гитары,
Соком пьяным, бурлящим в теле,
В твоём теле живом и гибком,
Под луною бледной и мертвой!
И была твоя песня ясной,
Смуглой, точно спелая слива.

Ты, что пил, никогда не пьянея,
И был прозван луженой глоткой,
В море рома без якоря судно,
И наездник искусный в танце, —
Что же будешь ты делать с ночью,
Ведь над ней ты больше не властен,
И откуда вольешь в свои жилы
Крови, той, что тебе не хватает,
Той, что вытекло много из раны,
Нанесенной ударом кинжала?

Ты сегодня убит в таверне,
Друг мой Монтеро!

В твоём доме тебя ожидали,
Но тебя принесли туда мертвым,
Говорят, была пьяная ссора,
Но тебя принесли уже мертвым,
Говорят, что он был твоим другом,
Но тебя принесли уже мертвым.
Сталь кинжала едва блеснула,
Но тебя принесли уже мертвым.

Как ты кончил жизнь, Бальдомеро,
Ты, любивший ее без меры!

У гроба две свечки горят,
Слабым светом мрак разгоняя,
Для кончины твоей бесславной
Даже этих свечей хватает.
Но горит на тебе, пламенея,
Рубашка красного цвета,
Та, что в танце тебя украшала,
Та, что кудри твои освещала,
Жаром песен твоих согрета!

Ты сегодня убит в таверне,
Друг мой Монтеро!

Луна показалась сегодня
Как раз над моим окошком,
Вдруг упала она на землю
И осталась лежать на дороге.
Мальчишки ее подобрали,
Чтоб лицо ей отмыть от пыли,
А я взял ее тихо ночью
И тебе положил в изголовье.

*Перевод с испанского
И. ЧЕЖЕГОВОЙ*



Рисунок кубинского
художника
С. КАБРЕРА МОРЕНО